

УДК 811.161.1

Антоненко Н.П.

(Киев, Украина)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АССОЦИАТИВЫ ВОСТОЧНЫХ
СЛАВЯН В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ**

Стаття присвячена опису «теорії можливих світів» у сучасній лінгвістиці. Особливу увагу приділено специфіці східнослов'янських ситуацій переходу між світами. Як приклад розглянута ситуація чаклунства в російських чарівних казках.

Ключові слова: міфопоетика, «можливий світ», психологічний асоціатив, сакральне, чарівна казка.

Статья посвящена описанию «теории возможных миров» в современной лингвистике. Особое внимание уделено специфике восточнославянских ситуаций перехода между мирами. В качестве примера рассмотрена ситуация колдовства в русских волшебных сказках.

Ключевые слова: мифопоэтика, «возможный мир», психологический ассоциатив, сакральное, волшебная сказка.

The article is dedicated to description of the «possible worlds theory» in modern linguistics. Particular attention is paid to the specifics of the Eastern Slavic transitional situations between the worlds. As an example, the situation of witchcraft in Russian fairy tales is considered.

Key words: mythopoetics, «possible world», the psychological associative, sacred, fairy tale.

Противопоставление реального и ирреального миров занимало умы древнегреческих ученых, мыслителей и философов, однако только начиная с 60-х годов XX века этот вопрос стал обсуждаться активнее. «Ученые в области логического анализа языка, философии языка (В. Смирнов, И. Пхакадзе), языковых моделирующих семиотических систем (Вяч. Иванов, В. Топоров), модальных и интенциональных логик (А. Прайор, Я. Хинтикка), этнических концептов (Е. Фромм)» [1: 355-358] исследовали ситуации перехода между мирами.

В этой связи, значимой для философии стала категория модальной логики – **возможный мир**, используемая для установления истинности/ложности модальных высказываний [2: 37]. Это нечто мыслимое, не отражающее реального положения вещей («реальность нереального»), несколько направлений развития будущего [3], возможное положение дел и развитие событий (степень возможности осуществления тех или иных действий подвергается определенной дифференциации), определенный альтернативный вариант, который существует рядом, но в другой плоскости.

Если изначально «возможные миры» исследовались со стороны логики и философии, то вскоре они перешли в лингвистику и «стали еще одной зоной пересечения интересов

и целей лингвистов, логиков, философов» [4: 6]. На сегодняшний день лишь единичные исследования лингвистов прокладывают данный путь.

Семантика «возможных миров» (как объектов лингвистического исследования) понимается как «ментальный мир, материализованный в языковом знаке» [2: 38], становится своеобразным сигналом границы миров. В этом случае ученым приходится на помощь категория модальности, в рамках которой формируются «точки» пересечения миров.

К таким языковым знакам принадлежат модальные слова («действительно», «безусловно», «несомненно», «конечно», «очевидно», «понятно», «возможно», «вероятно», «кажется» [5: 131]) и высказывания, союзы («так, как будто», «как будто», «если бы», «как если бы», «словно», «точно», «подобно», «вряд ли», «едва ли», «вероятно»), частицы («б», «или ... или»), а также вопросительная частица («неужели»), конструкции типа «если бы ... то бы», «если ... то», «или ... или», «б + инфинитив», метафора, любая косвенная референция, глаголы «знать», «верить», «помнить», «надеяться», «хотеть» [6: 73], «обещать», «говорить», «видеть» [7: 6] и слова, формирующие придаточное предложение с союзом «что», а также словоформа глагола на «-л-» и другие.

Эти и другие языковые знаки являются определенными рычагами, с помощью которых носители языка переключаются от мира действительности в другое мыслительное пространство определенной возможности или альтернативности. Однако, все слова имеют разную степень соотносительности с реальностью, например «Несомненно, он прочтет эту книгу» / «Возможно, он прочтает эту книгу». Эти слова могут указывать на различную степень проявления «возможных миров», их градацию, на оси возможности-невозможности они будут находиться в определенной иерархии.

Таким образом, объективацией перехода в другой мир может быть не только языковой знак с семантикой модальности, главное, чтобы был вариант «возможности», альтернативности, более чем один вариант развития событий. А значит, к сигналам границы миров будут принадлежать метафоры, метонимии, субъекты осмысления, объекты осмысления, символы, любой компонент абстрактной и конкретной логики. Такие языковые знаки, находящиеся на грани с «возможным миром», могут быть представлены различными языковыми средствами и знаками, они предусматривают возможность выбора прочтения их содержания во время расшифровки. Итак, «возможные миры» «схватываются» и регистрируются языковыми средствами.

Кроме того, с помощью единой формы выражения могут быть объективированы различные виды возможностей. Так, например, глагол «мочь» указывает на возможность в физическом смысле, как интеллектуальная возможность, также может указывать на отсутствие препятствий, указывать на черты характера того или иного лица и др. [8: 215-216].

Возможные миры также могут пересекаться между собой и реальным миром одновременно, в этом случае сакрализация текста усиливается. Так, например, «Покажется яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливаается» [9: 92], сакральная ситуация битвы соотносится с пролитием крови, потеря крови расценивается как потеря жизненной энергии («Воткнул он нож в стену, повесил на него белое полотенце, а под ним на пол миску поставил. «Присматривайте, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полная миска набежит — все ничего, а если через край польется — тогда

спешите мне на помощь»... Тут братья проснулись, глянули – все полотенце в крови, из миски кровь через край льется...» [9: 107].

С одной стороны, понятие «возможный мир» является **универсальной категорией** для многих народов (в английском языке мы находим те же слова-маркеры ирреальности: «probably», «maybe», «like», «suppose», «doubtless», конструкции «if only», «though», «supposing» и так далее). С другой стороны, возможные миры в восточнославянской мифологической парадигме обладают определенными **чертами**: *глубокой этнической сакрализацией, изоморфностью компонентов, актуализацией первоэлементов бытия, способностью возможных миров пересекаться друг с другом, своей неограниченностью в количестве миров, периодическим открыванием портала перехода и др.*

Соприкосновение возможного мира с реальным происходит в период наиболее важных этапов жизни человека, мира и социума. Во время таких ситуаций сакральное «вторгается» в мир человека, «формы духовной жизни граничат с экстремальными или пограничными состояниями» [10: 111].

Для исследования ситуаций перехода в мифе важным является понятие **психологического ассоциатива**, поскольку именно он является точкой пересечения возможных миров с реальным миром. К ПА относятся актуализированные компоненты пропозиции, выполняющие функцию переключателя от профанной ипостаси к сакральной и предполагающие знаковую вариативность прочтения и многоуровневую иерархию смыслов.

К ПА относятся все типы объективации мифопоэтических значений, представленные акантами, предикативами, темпоралиями, локативами и атрибутивами ситуаций пересечения миров основных этапов **жизни человека** (рождение, крещение, инициация, болезнь, пролитие «сакральных соков человека») (слезы, пот, кровь), молитва, заговаривание, свадьба, роды, смерть и похороны), а также **развития социума** (крещение, паломничество, хождение, жертвоприношение, эпидемия, война, неурожай, голод, мор, наводнение, пожар, ураган, землетрясение) и **мира** (создание мира, периодическое восстановление мира в ритуале, пандемия, мировая война, конец света, мировой потоп, Страшный суд и т.д.).

Все сакральные ситуации жизни человека можно условно разделить на те, которые не зависят от его воли и действий, предполагающие взросление (рождение, инициация, болезнь, свадьба, смерть и др.) и на ситуации-состояния, во время которых человек может неоднократно попадать в иной мир, часто по собственному желанию (сон, галлюцинации, танец, молитва, заговаривание, колдовство, пьянство).

Рассмотрим в качестве примера ситуацию **колдовства в русских волшебных сказках**.

Колдовство является неотъемлемым компонентом русской сказки, и особенно волшебной. Отсутствие этого компонента переведет волшебные сказки в разряд бытовых сказок.

Агентивы в русских волшебных сказках представлены в виде *антропоморфных существ* (двенадцать молодцев, мастера, плотники), *анимальных* (щука), а также *неодушевленных предметов*, которые путем колдовства превращаются в живые (то есть переходят из пассивных в активные): топор, дубинка, дрова, ведро, печь, сани. Например: «Топор выскочил из-под лавки и на двор, и давай дрова колоть» [9: 133], «Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилу он ноги унес» [9: 133].

В результате колдовства стирается грань не только между одушевленным/неодушевленным, но и происходит переход из одной группы в другую, из агентива в локатив, т.е. группы становятся подвижными: «...Василиса Премудрая тотчас оборотила коней зеленым лугом...» [9: 116].

Среди **локативов** ситуации колдовства в русских волшебных сказках использованы как абстрактные локативы, не дающие никаких географических данных: «разные места», «все стороны», «за тридевять земель», так и конкретные: луг, царское крыльцо, двор, изба, печь, гора, улица, дорога, крыльцо, угол, пир. Присутствие абстрактных локативов свидетельствует о том, что пространство русских волшебных сказок не структурировано, для сказки не важен локус колдовства, достаточно его наличие. Кроме того, колдовать герой может и в своем мире, и в потустороннем, и на пересечении данных миров.

Темпорали представлены следующими мифологемами: «ночь», «до утра», «во время сна», «полночь», «в ту же минуту» и др. Как видим, колдовство всегда происходит ночью, и результат виден мгновенно, обычно с началом светового дня.

К **атрибутивам** ситуации колдовства в русских волшебных сказках относятся рукав, косточки, стакан с водой, кольцо, платок, посох. Таким образом, в качестве атрибута колдовства может быть использован любой предмет домашнего обихода.

К **сакральным действиям** относится махание платком, перекидывание кольца с руки на руку, плевание, запирание замков и др.

Таким образом, возможный мир – это категория модальной логики, которая описывает возможное положение дел, альтернативный вариант развития событий. Возможные миры существуют параллельно, поэтому исследования в области лингвистики помогают воссоздать «схваченные» языковым знаком посредством объективации и вербализации точки пересечения миров. В связи с этим, значимым является понятие ПА – актуализированные компоненты пропозиции, которые описывают ситуацию сакральной истории личности в точках пересечения возможных миров с реальным миром.

Исследование возможных или ирреальных миров является значимым для понимания реального мира и способов его организации и семантического структурирования.

Несмотря на универсальность категории логики «возможный мир» восточнославянские возможные миры характеризуются глубокой этнической сакрализацией, изоморфностью компонентов, соотношением с первоэлементами бытия, неограниченным количеством миров, которые при определенных благоприятных условиях могут пересекаться и накладываться.

Агентивами ситуации колдовства в русских волшебных сказках являются преимущественно антропоморфные существа лиминарного характера, при этом во время колдовства происходит изменение по оси «живое/неживое», «пассивное/активное». Это свидетельствует о том, что группы данной ситуации не имеют четких границ, и за счет этого происходит взаимопересечение. Локативы ситуации колдовства могут быть как конкретными, так и абстрактными, но лучшим временем для колдовства всегда является ночь. В качестве атрибутов колдовства используются преимущественно предметы домашнего обихода. Сакральные действия, используемые в колдовстве в русских волшебных сказках, соотносятся с действиями во время заговаривания в русской фольклорной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слухай (Молотаева) Н. В. Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко / Н. В. Слухай (Молотаева). – К., 1995. – С. 355-358.

2. Вардзелашвили Ж. А. «Возможные миры» текстуального пространства [Электронный ресурс] / Ж. А. Вардзелашвили. – СПб-Тб.: СПб. гос. ун-тет и Тбилисский гос. ун-тет, 2003. – Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (дата обращения: 15.12.2011). – Название с экрана. – С. 37-38.
3. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm> (дата обращения: 24.11.2012). – Название с экрана.
4. Пхакадзе И. Недостижимые достижимые миры / И. Пхакадзе. – Тбилиси, 1991. – с. 6.
5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – С. 131.
6. Хинтикка Я. Логика в философии – философия логики / Я. Хинтикка. – М., 1980. – С. 73.
7. Герасимова И. А. «Возможные миры» и «ситуации» в анализе познавательных установок / И. А. Герасимова // Неклассические логики. – М., 1985. – С. 6.
8. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 215-216.
9. Живая вода: сб. рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок / сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Аникина. – М.: Детская литература, 1986.
10. Мелихов Г. В. Антропология сакрального: к характеристике предмета исследования // Г. В. Мелихов. – Ученые записки казанского гос. ун-та, Т. 152, кн. 1. – 2010. – С. 109-124.